

ИВ20

418

Петръ Чаадаевъ.

Апологія Сумасшедшаго.

Переводъ съ французскаго
С. М. Юрьева и Б. П. Денике,
подъ редакціей прив.-доцента Каз. унив. Вл. Н. Ивановскаго.

Цѣна 20 коп.

КАЗА'НЬ.

Типографія Д. М. Гранъ. Гостиннодворская ул.
1906.

Петръ Чаадаевъ.

Апологія Сумасшедшаго

Переводъ съ французскаго
С. М. Юрьева и Б. П. Денике,
подъ редакціей прив.-доцента Каз. унив. Вл. Н. Ивановскаго.

КАЗАНЬ.
Типографія Д. М. Гранъ, Гостиниодворская ул.
1906.

ИНВЕНТАРИЗАЦИЯ
2008

ИВ20 р
4118

145-1979 65368 ✓

Дозволено цензурою г. Казань, 24 декабря 1905 года.

Предисловіе.

14 апрѣля 1856 года скончался одинъ изъ выдающихся дѣятелей русской мысли XIX вѣка—Петръ Яковлевичъ Чаадаевъ. Помѣщенное въ „Телескопъ“ (1836 г.), журналъ издаваемомъ Надеждинымъ, „Философическое Письмо“ Чаадаева сразу выдвинуло автора какъ виднѣйшаго бойца за идеи Запада среди русскаго общества закоснѣлаго и самодовлѣющаго въ своемъ невѣжествѣ. Общій взрывъ негодованія за мысли, высказанныя авторомъ въ „Письмѣ“ заставило правительство прибѣгнуть къ неслыханной мѣрѣ, а именно объявить по Высочайшему повелѣнію Чаадаева сумасшедшимъ.

Въ отвѣтъ на приговоръ Чаадаевъ написалъ свою знаменитую „Апологию сумасшедшаго“ (Apologie d'un fou)*, „явленіе“, по словамъ Веселовскаго, „безпримѣрное въ литературѣ всѣхъ странъ, какъ безпримѣрна и участь автора,—потому что сумасшедшій написавшій это оправданіе, былъ полонъ ума и блестящихъ дарованій“....

Нынче впервые появляется на русскомъ языкѣ, „Апология сумасшедшаго“, лучшее и сильнѣйшее произведеніе Чаадаева, коему суждено было оставить по себѣ вѣчную память на скрижаляхъ исторіи русской мысли.

Этими краткими словами мы закончиваемъ наше предисловіе, отсылая читателя, интересующагося жизнью Чаадаева, къ статьѣ Лемке въ „Мірѣ Божіемъ“ (1905) „Надеждинъ и Чаадаевъ“, умѣло скомпилировавшаго въ своей работѣ почти всю небогатую литературу о Чаадаевѣ.

Напомню здѣсь, что Чаадаевъ былъ воспитателемъ извѣстнаго революціоннаго дѣятеля М. А. Бакунина.

Н. Гронковскій.

*) Oeuvres choisies de Pierre Tchadaieff (Paris, 1862).

«О мои братья! Я сказал очень горькую истину, но сказал ее без горечи».

Нольриджъ.

Милосердіе, сказалъ св. Павелъ, *все терпѣть, всему вѣрить*, все переносить: итакъ будемъ все терпѣть, все сносить, всему вѣрить, будемъ милосердны... Вѣдь, прежде всего, катастрофа, которая только что потрясла столь необычайнымъ образомъ наше духовное существованіе и развила по вѣтру трудъ цѣлой жизни, является въ дѣйствительности лишь результатомъ вопля, злобѣе прозвучавшаго среди извѣстной части общества при появленіи моей статьи—ѣдкой, если хотите, но конечно заслуживавшей вовсе не тѣхъ криковъ, какими ее встрѣтили.

Правительство, впрочемъ, только исполняло свою обязанность: можно сказать даже, что суровыя мѣры, принятыя относительно меня, не такъ уже чудовищны, такъ какъ онѣ далеко не превзошли ожиданій большинства публики. Чего другого хотите отъ правительства, проникнутаго самыми лучшими намѣреніями, какъ не желанія прислушаться къ тому, что оно вполнѣ искренно считаетъ серьезнымъ желаніемъ страны? Что же касается до народныхъ воплей, то это вопросъ иной. Можно различными способами выражать свою любовь къ отечеству: напримѣръ, самоубійство, который любить свои родные сѣбѣ, дѣлающіе его близорукимъ, прокопченную юрту, гдѣ онъ сидитъ согнувшись половину своей жизни, прогорѣлый жиръ сѣверныхъ оленей, создающій тошнотворную атмосферу, любить свою страну конечно иначе, чѣмъ англійскій гражданинъ, гордый учрежденіями и высокой цивилизаціей своего славнаго острова; и несомнѣнно, было бы прискорбно для насъ, если бы мы должны были любить мѣста, видѣвшія появленіе наше на свѣтъ,

такимъ же образомъ, какъ любятъ свою родину самоѣды. Любовь къ родинѣ вещь прекрасная, но есть кое-что и выше—любовь къ истинѣ. Любовь къ родинѣ дѣлаетъ насъ героями, любовь къ истинѣ—мудрецами, благодѣтелями человечества. Любовь къ родинѣ раздѣляетъ народы, питаетъ національную вражду, иной разъ одѣваетъ землю трауромъ: любовь къ истинѣ распространяетъ свѣтъ, создаетъ умственные наслаждения, приближаетъ людей къ Божеству. Къ небу восходятъ не по пути родины, а по пути истины. Правда, мы русскіе всегда мало интересовались вопросомъ, гдѣ истина, гдѣ ложь. Не надо поэтому негодовать на страну, если она приходитъ въ возмущеніе отъ нѣскольکو ядовитого уприска по поводу ея слабости. Смѣю увѣрить, у меня нѣтъ никакой злобы противъ этой милой публики, которая такъ долго прятала отъ меня свои когти,—и я хладнокровно, безъ всякаго раздраженія, стараюсь дать себѣ отчетъ въ своемъ странномъ положеніи. Не слѣдуетъ ли мнѣ, спрашиваю я васъ, попытаться выяснитъ, если это возможно, въ какомъ положеніи по отношенію къ себѣ подобнымъ, къ своимъ согражданамъ, къ Богу, находится человекъ, пораженный безуміемъ по приговору высшей юстиціи страны?

Я никогда не добивался народныхъ овацій, не искалъ милостей толпы; я всегда думалъ, что родъ человѣческой долженъ слѣдовать только за своими естественными вождями, помазанниками божіими; я думалъ, что онъ могъ подвигаться по пути истиннаго прогресса только съ помощью тѣхъ, кто такъ или иначе получилъ отъ самого неба миссію и силу его вести; я думалъ, что общественное мнѣніе (*raison générale*) отнюдь не является абсолютнымъ разумомъ (точно такъ же думалъ одинъ современный великій писатель). Я всегда полагалъ, что инстинкты массъ отличаются безконечно большею страстностью, узостью, эгоизмомъ, чѣмъ инстинкты отдѣльнаго человѣка; я думалъ, что то, что называютъ здравымъ смысломъ народа, вовсе не является здравымъ смысломъ, что въ иномъ собраніи вовсе не рождается истина, что она не можетъ быть выражена числомъ; наконецъ, я всегда думалъ, что человѣческій разумъ проявился во всемъ своемъ могуществѣ и блескѣ исключительно въ уединенномъ умѣ, центрѣ и солнцѣ своей сферы. Какимъ же образомъ случилось, что я въ одинъ прекрасный

день очутился лицомъ къ лицу съ разгнѣваннымъ обществомъ—обществомъ, одобренія котораго я никогда не добивался, милости котораго меня никогда не радовали, причуды котораго меня не волновали? Какимъ образомъ случилось, что мысль, которую я направилъ не къ моему вѣку, которую я, не желая имѣть дѣла съ современниками, предназначалъ въ глубинѣ своего убѣжденія грядущимъ поколѣніямъ, лучше образованнымъ,—какимъ образомъ эта мысль, уже давно пріобрѣтшая признаніе въ тѣсныхъ кружкахъ, разбила оковы, вышла изъ своего монастыря, бросилась на улицу, прыгая среди изумленной толпы? Этого я не въ состояніи объяснить. Но вотъ что я могу съ полной увѣренностью утверждать.

Уже три столѣтія Россія стремится слиться съ Западной Европой,—заимствуетъ оттуда все свои самыя важныя идеи, самыя плодотворныя познанія, все наиболѣе живыя удовольствія. Столѣтіе тому назадъ (и болѣе) она дѣлала больше этого. Самый великій изъ нашихъ царей—тотъ, кто, какъ говорятъ, началъ у насъ новую эру, которому мы обязаны нашимъ величіемъ, нашей славой и всеми благами, которыми мы пользуемся теперь, сто пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ отрекся предъ лицомъ цѣлаго свѣта отъ старой Россіи. Онъ смелъ своимъ могучимъ дуновеніемъ все наши учрежденія, вырвалъ пропасть между нашимъ прошлымъ и настоящимъ и сбросилъ туда какъ попало все наши традиции. Самъ онъ пошелъ на Западъ, чтобы стать тамъ самымъ ничтожнымъ человѣкомъ, но, возвратившись оттуда, онъ сдѣлался среди насъ самымъ великимъ. Онъ палъ ницъ передъ Западомъ и всталъ нашимъ господиномъ и законодателемъ. Онъ ввелъ въ нашъ языкъ языки Запада; свою новую столицу онъ назвалъ именемъ, взятымъ съ Запада; онъ отбросилъ свой наследственный титулъ и принялъ западный; наконецъ, онъ почти отказался отъ своего собственнаго имени и свои верховныя приговоры подписывалъ не разъ западнымъ именемъ. Съ этого времени мы, такъ сказать, только и дѣлали, что, устремивъ наши взоры на Западъ, все время дышали и питались вѣяніями, приходившими къ намъ оттуда. Наши вожди, которые почти всегда вели насъ за руку, а страну на буксирѣ, не принимая во вниманіе ея собственныхъ желаній, сами ввели къ намъ обычаи, языкъ и одежду Запада. Назва-

нія вещей мы научились читать по складамъ по западнымъ книгамъ. Нашей собственной исторіи насъ научилъ одинъ изъ народовъ Западной Европы; мы цѣлкомъ перевели литературу Запада; наконецъ, мы стали считать себя счастливыми, если походили на Западную Европу и гордились, когда Западъ согласился признать насъ своими.

Нужно сознаться: прекрасно было твореніе Петра—эта великая мысль, овладѣвшая нами и толкнувшая насъ на путь, который мы должны были пройти съ такимъ блескомъ. Глубокій смыслъ заключался въ словахъ: видите ли вы тамъ эту цивилизацію, плодъ столькихъ трудовъ, эти науки, искусства, стоившія великихъ усилій столькимъ поколѣніямъ. Все это принадлежитъ вамъ, если только вы отбросите отъ себя всѣ ваши суевѣрія, откажетесь отъ вашихъ предразсудковъ, если вы не станете съ такою любовію и такъ ревниво относиться къ вашему варварскому прошлому, перестанете кичиться вѣками невѣжества, если станете считать высшею честью для себя усвоеніе продуктовъ работы всѣхъ народовъ, богатствъ, прибрѣтенныхъ человѣческимъ умомъ подъ веѣми широтами.

Великій человѣкъ работаетъ вовсе не исключительно для своей родины; эти люди посылаются Провидѣніемъ всегда для всего человѣчества. Сначала одинъ народъ называетъ ихъ своими, но затѣмъ они поглощаются родомъ человѣческимъ точно такъ же, какъ большія рѣки сначала оплодотворяютъ обширныя страны, а потомъ несутъ свои воды въ даръ океану. Чѣмъ инымъ, какъ не новымъ усиліемъ генія выйти изъ тѣсной ограды отечества, чтобы жить въ великой сферѣ всего человѣчества, чѣмъ инымъ являлось зрѣлище, которое открылось передъ цѣлымъ свѣтомъ, когда онъ, оставивъ свой царскій санъ и свою страну, пожелалъ скрыться въ послѣднихъ рядахъ цивилизованныхъ народовъ? Таковъ былъ урокъ, который мы должны были запомнить: и дѣйствительно мы имъ воспользовались и до сего дня шли по пути, начертанному намъ великимъ императоромъ. Наше широко охватывающее развитіе является лишь выполненіемъ этой превосходной программы. Никогда ни одинъ народъ не отличался меньшимъ пристрастіемъ къ самому себѣ, чѣмъ народъ русскій, каковымъ онъ вышелъ изъ рукъ Петра Великаго, и ни одинъ народъ не оказалъ столь славныхъ успѣховъ на пути прогресса. Высокій умъ этого необыкновеннаго человѣка от-

лично угадать, какова должна была быть наша исходная точка на пути цивилизаціи и умственнаго движенія міра. Онъ видѣлъ, что, за полнымъ почти отсутствіемъ у насъ историческаго наслѣдства, мы не могли бы основать наше будущее на томъ непрочномъ базисѣ, каковымъ обладали; онъ очень хорошо понималъ, что поставленные лицомъ къ лицу со старой цивилизаціей Европы, являющейся послѣднимъ выраженіемъ всѣхъ предыдущихъ цивилизацій, мы должны были бы задохнуться въ нашей исторіи, должны были бы тащиться, какъ народы Запада, черезъ хаосъ національныхъ предразсудковъ, по узкимъ тропинкамъ мѣстныхъ идей, по выбитой колѣѣ туземной традиціи; онъ понималъ, что мы должны были, въ добровольномъ порывѣ нашихъ внутреннихъ силъ, энергичнымъ усиліемъ народнаго сознанія овладѣть судьбой, которая намъ была предназначена. Онъ освободилъ насъ отъ всѣхъ этихъ традицій, загромаждающихъ всѣмѣющія исторію общества и мѣшающихъ ихъ прогрессу; онъ открылъ намъ умъ всѣмъ великимъ и прекраснымъ идеямъ, существующимъ среди людей; онъ намъ далъ Западъ цѣлкомъ такимъ, каковымъ его сдѣлали вѣка, онъ намъ далъ всю его исторію въ замѣны нашей, все его будущее, какъ наше будущее.

Неужели вы думаете, что, если бы онъ нашелъ у своего народа богатую опытами исторію, живыя традиціи, глубоко укоренившіяся учрежденія, что и тогда онъ не поколебался бы все такъ бросить его въ новую форму? Неужели вы думаете, что, если бы онъ имѣлъ передъ собой національность, обрисованную рѣзкими чертами, и съ ясно выраженнымъ характеромъ, его творческій инстинктъ не заставилъ бы его, напротивъ, спросить у самаго народа о средствахъ для возрожденія страны? И допустилъ-ли бы въ этомъ случаѣ съ своей стороны народъ, чтобы у него отнимали его собственное прошлое и давали бы ему, такъ сказать, прошлое Европы? Но въ дѣйствительности было не такъ. Петръ Великій нашелъ дома только чистый листъ бумаги и своей сильной рукой начерталъ на немъ слова: Европа и Западъ... Изъ того времени мы являемся частью Европы и Запада. Не слѣдуетъ въ этомъ заблуждаться: каковъ бы ни былъ геній этого человѣка и громадная энергія его воли, его дѣло было выполнено лишь у такого народа, историческое прошлое котораго не указывало повелительно того пути, который онъ долженъ

пройти, традиции которого не были въ состояніи дать ему будущее, а воспоминанія могли безнаказанно быть изглажены смѣлымъ законодателемъ. Если мы были такъ послушны голосу государя, который насъ призвалъ къ новой жизни, то это очевидно потому, что мы не имѣли ничего въ нашемъ прошломъ, что оправдало бы сопротивленіе ему. Самой рѣзкой чертой нашей исторической фizioноміи является отсутствіе самопроизвольности въ нашемъ общественномъ развитіи. Взгляните получше, и вы увидите, что каждое важное событіе въ нашей исторіи является результатомъ внушенія извнѣ, каждая новая идея почти всегда откуда—нибудь взята. И въ этой точкѣ зрѣнія нѣтъ ничего обиднаго для національнаго чувства; если она правильна, ее нужно принять, вотъ и все. Существуютъ великія націи,—точно такъ же, какъ и великія историческія личности,—которыхъ нельзя объяснить посредствомъ естественныхъ законовъ нашего разума, но которые таинственно опредѣляются высшей логикой Провидѣнія. Это же самое можно сказать и о насъ: однако, скажу еще разъ, національная честь здѣсь рѣшительно ни при чемъ. Исторія народа вовсе не является простымъ рядомъ слѣдующихъ другъ за другомъ фактовъ,—это скорѣе рядъ идей, находящихся въ зависмости другъ отъ друга. Фактъ долженъ выразиться въ идеѣ; мысль, принципъ должны пройти черезъ рядъ событій и стремиться реализоваться.

Въ такомъ случаѣ фактъ не потерянъ: онъ оставилъ борозду въ мозгахъ людей, запечатлѣлся въ ихъ сердцахъ, и никакая сила въ мірѣ не можетъ его вырвать оттуда. Эту исторію дѣлаетъ не историкъ, а сила вещей. Историкъ приходитъ, находитъ ее готовой и рассказываетъ ее; но эта исторія, придетъ ли онъ или нѣтъ, не перестаетъ отъ того существовать, и каждый членъ исторической семьи, какъ бы незамѣтенъ и ничтоженъ онъ ни былъ, несетъ ее въ глубинѣ своего существованія. Вотъ именно этой то исторіи мы и не имѣемъ. Намъ нужно поучиться такой исторіи, а не бросать камнями въ тѣхъ людей, которые первые догадались объ этомъ.

Наши фанатичные славянофилы могутъ, конечно, въ своихъ раскопкахъ извлекать на свѣтъ Божій время отъ времени любопытные предметы для нашихъ музеевъ и би-

бліотекъ; но, по моему мнѣнію, позволительно сомнѣваться, чтобы имъ удалось извлечь изъ нашей исторической почвы что—либо способное заполнить пустоту нашихъ душъ, что либо способное оформить нашу распыленную мысль. Взгляните на средневѣковую Европу: нѣтъ ни одного событія, которое не было бы въ томъ или другомъ смыслѣ абсолютно необходимымъ, которое не оставило бы глубокихъ слѣдовъ въ сердцѣ человечества. А почему? Потому что за каждымъ событіемъ вы находите идею; потому что исторія среднихъ вѣковъ есть исторія мысли новаго времени, мысли, которая стремится воплотиться въ искусствѣ, наукѣ, въ жизни человѣка и въ обществѣ. И сколько бороздъ провела эта исторія въ нашемъ умѣ! Какъ она обработала ту почву, на которой дѣйствуетъ человѣческій умъ! Я хорошо знаю, что не всѣ исторіи имѣютъ строгую послѣдовательность—тотъ логичный ходъ, какимъ отличается исторія этой удивительной эпохи, въ вѣдрахъ которой образовалось подъ властью единаго верховнаго принципа христіанское общество; но несмотря на это, остается справедливымъ утвержденіе, что именно здѣсь (въ этой эпохѣ) мы видимъ наиболѣе характерныя черты историческаго развитія отдѣльнаго ли народа или цѣлой семьи народовъ, и что націи, лишеныя подобнаго прошлаго, должны покорно искать элементовъ ихъ дальнѣйшаго прогресса не въ своей исторіи и въ своей памяти, а въ исторіи другихъ націй. О жизни народовъ можно сказать почти то же, что и о жизни отдѣльныхъ личностей.

Всѣ люди прошли жизненный путь, но истинную исторію имѣли только люди гениальные или поставленные въ особыя, опредѣленные условія. Пусть, скажемъ напримѣръ, какой-нибудь народъ, благодаря стеченію обстоятельствъ, не имъ созданныхъ, благодаря географическому положенію, избранному также не имъ, пусть этотъ народъ, не представляя себѣ ясно того, что онъ дѣлаетъ, расселится по громадной странѣ и въ одинъ прекрасный день окажется могущественнымъ народомъ... Это будетъ, конечно, явленіе удивительное, имъ можно восхищаться сколько угодно; но что, по вашему мнѣнію, должна сказать о немъ исторія? Взглянувъ на дѣло поглубже, видно, что это фактъ исключительно матеріальный, событіе, такъ сказать, чисто географическое,—правда, происшедшее на громадномъ пространствѣ, но и только.

Исторія его возьметъ, запишетъ въ лѣтописи, потомъ закроется на немъ—вотъ и все. Истинная исторія этого народа начнется лишь съ того дня, когда онъ почувствуетъ себя охваченнымъ извѣстной идеей, которая ему была ввѣрена и которую онъ призванъ осуществить, лишь въ тотъ моментъ, когда онъ станетъ преслѣдовать ее съ тѣмъ настойчивымъ, хотя и скрытымъ, инстинктомъ, который ведетъ народы, къ ихъ цѣлямъ и предназначеніямъ. Вотъ та минута, которую я призываю всѣми силами моей души для моей родины! Вотъ дѣло, за которое я хотѣлъ бы, чтобы вы взяли, мои дорогіе друзья и сограждане, живущіе въ вѣкъ высокой образованности и только что показавшіе мнѣ, какъ много въ васъ святой любви къ родинѣ!

Міръ искони былъ раздѣленъ на двѣ части: Востокъ и Западъ. И это не исключительно географическое дѣленіе: нѣтъ, оно коренится въ самомъ порядкѣ вещей, вытекающемъ изъ природы мыслящаго существа, ибо это два принципа, соотвѣтствующие двумъ динамическимъ силамъ природы, двѣ идеи обнимающія всю жизнь человѣческаго рода. На Востокѣ духъ человѣческій развивался путемъ сосредоточенія, концентрации и замыкаясь въ самомъ себѣ; на Западѣ же онъ все время ищетъ выхода наружу, распространяетъ свое дѣйствіе по всѣмъ направленіямъ и борется со всѣми препятствіями. Общественный строй естественно имѣлъ своей основой эти первичныя данныя. На Востокѣ мысль, углубившись въ самое себя, скрывшись въ тишину пустыни, предоставила общественной власти право надъ всѣми благами земли; на Западѣ, идея, раскидываясь повсюду, охватывая всѣ нужды человѣка, стремясь ко всѣмъ благамъ, основала власть на принципѣ права. Однако въ той и другой изъ этихъ областей жизнь была сильной и плодотворной; въ той и другой высокія вдохновенія, глубокія мысли, возвышенныя созданія вѣрно служили человѣческому разуму. Востокъ выступилъ первый и пролилъ на землю потоки свѣта изъ нѣдръ своего удивленнаго мышленія; потомъ пришелъ Западъ, который со своей всеобъемлющей дѣятельностью, со своимъ живымъ словомъ, со своимъ всемогущимъ анализомъ овладѣлъ его трудами, кончилъ то, что Востокъ началъ, и включилъ его, наконецъ, въ свое широкое постиженіе. Но

на Востокѣ покорные умы, преклонившись передъ авторитетомъ времени, исчерпали себя въ своемъ абсолютномъ подчиненіи почитаемому ими принципу и уснули разъ навсегда, замкнутые въ своемъ неподвижномъ синтезѣ, не подозревая новыхъ судебъ, которыя для нихъ приготовлялись; тогда какъ на Западѣ они шли гордые и свободные, склоняясь только передъ авторитетомъ разума и Неба, останавливаясь только передъ неизвѣстнымъ, со взоромъ устремленнымъ въ безграничное будущее. И они тамъ идутъ еще,—вы это знаете; и вы знаете также, что и мы съ Петра Великаго полагали, что идемъ съ ними. Но вотъ появляется новая школа. Не желаютъ болѣе Запада, хотятъ разрушить созданіе Петра Великаго, хотятъ вновь вступить на дорогу пустынночества. Забывъ о томъ, что Западъ сдѣлалъ для насъ, неблагодарные по отношенію къ великому человѣку, который насъ цивилизовалъ, къ Европѣ, которая насъ научила, отрекаются и отъ Европы и отъ великаго человѣка: и въ пылу поспѣшности этотъ свѣженеспеченный патріотизмъ объявляетъ насъ даже любимыми дѣтьми Востока. Какая нужда, говорятъ намъ, идти искать просвѣщенія среди народовъ Запада? Развѣ не было среди насъ всѣхъ зачатковъ соціальнаго порядка безконечно лучшаго, чѣмъ въ Европѣ? Почему бы не предоставить дѣло времени? Предоставленные себѣ самимъ, своему свѣтлому уму, плодотворному началу, скрытому въ нѣдрахъ нашей могучей природы и въ особенности нашей святой религіи, мы скоро опередили бы всѣ эти народы, предавшіеся заблужденію и лжи. Чему же на Западѣ мы должны завидовать? Его религіозной борьбѣ, напству, его рыцарству, его инквизиціи? По истинѣ, прекрасныя вещи! Развѣ Западъ родина науки и всего, проникающаго въ глубь вещей? Въдѣ это, какъ извѣстно, Востокъ. Итакъ, удалимся на этотъ Востокъ, котораго мы касаемся всюду, отъ котораго мы получили недавно наши вѣрованія, наши законы, наши добродѣтели—все, что насъ сдѣлало самымъ могущественнымъ на землѣ народомъ. Старый Востокъ сходитъ со сцены: ну, не естественны ли мы его наслѣдники? Въдѣ именно среди насъ навсегда останутся эти удивительныя традиціи, черезъ насъ пройдутъ въ жизнь всѣ великія и таинственныя истины, храненіе которыхъ было довѣрено Востоку съ начала міра. Вы понимаете теперь, откуда пришла гроза,

разразившаяся надо мной, и вы видите, что происходит среди нас истинная революция въ національной мысли, страстная реакція противъ просвѣщенія, противъ идей Запада, противъ того просвѣщенія и тѣхъ идей, которыя насъ едѣлали тѣмъ, что мы есть, и плодомъ которыхъ является и самая эта реакція, это движеніе, толкающее насъ противъ нихъ. Но на этотъ разъ толчекъ исходитъ не сверху. Никогда, напротивъ, въ высшихъ слояхъ общества память царя—преобразователя, говорятъ, не почиталась болѣе, чѣмъ теперь. Инициатива же принадлежитъ всецѣло странѣ. Куда приведетъ насъ этотъ первый актъ освобожденной мысли народа? Богъ знаетъ! Но тѣ, кто серьезно любить свою страну, не могутъ не быть глубоко опечалены этимъ отступничествомъ нашихъ самыхъ передовыхъ умовъ отъ того, что создало нашу славу, наше величіе; и долгу, я думаю, всякаго хорошаго гражданина—оцѣнить какъ можно старательнѣе это необыкновенное явленіе.

Мы живемъ на востокѣ Европы,—это вѣрно; но это еще никогда не дѣлало насъ частью Востока. Востокъ въ своей исторіи не имѣетъ ничего общаго съ нашей. Онъ содержитъ въ себѣ, какъ мы только что видѣли, плодотворную идею, которая въ свое время привела къ громадному развитію мышленія, которая выполняла свою миссію съ чудесной мощью, но которой уже не предназначено проявить себя снова на мировой сценѣ. Эта идея утвердила на вершинѣ общества духовное начало; она подчинила всѣ власти ненарушиму высшему закону—закону вѣковъ; она глубоко восприняла священную нравственную власть и, хотя она сдвинула жизнь въ слишкомъ ограниченной сферѣ, однако она избавила ее отъ всякаго вишняго дѣйствія и запечатлѣла удивительной глубиной. У насъ ничего подобнаго. Духовное начало, всегда подчиненное свѣтскому, никогда не было на вершинѣ общества; законъ вѣковъ, традиція никогда не царила у насъ неизмѣннымъ, разъ навсегда установленнымъ образомъ; наконецъ, мы никогда не имѣли чертъ преимущественнаго господства моральной іерархіи. Мы просто сѣверная страна и по своимъ идеямъ совершенно также, какъ и по климату, очень далеки отъ благоухающей Кашмирской долины и отъ священныхъ береговъ Ганга. Нѣкоторые изъ нашихъ владѣній, правда, граничатъ съ государствами Востока, но наши центры совсѣмъ не тамъ, и наша жизнь совсѣмъ не тамъ, и никогда

не будетъ тамъ, по крайней мѣрѣ, пока не перемѣнитъ мѣсто земная ось, благодаря какому-нибудь небесному возмущенію, или пока какая-нибудь новая катастрофа не броситъ южные государства во льды полюса.

Правда, мы никогда еще не разсматривали нашей исторіи съ философской точки зрѣнія. Ни одно изъ великихъ событій нашей національной жизни не было достаточно хорошо охарактеризовано, ни одна великая эпоха не была оцѣнена добросовѣстно; отсюда всѣ эти странные вымыслы, всѣ эти утопіи о прошедшемъ, всѣ эти мечты о невозможномъ будущемъ, которыя волнуютъ теперь нашихъ патріотовъ. Нѣмецкіе ученые открыли нашихъ лѣтописцевъ пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ; Карамзинъ разсказалъ затѣмъ звучнымъ слогомъ дѣянія и подвиги нашихъ государей; въ наши дни посредственные писатели, несвѣдущіе любители старины, какіе—нибудь неудавшіеся поэты, не владѣя ни знаніемъ нѣмцевъ, ни перомъ славнаго историка, воображаютъ себѣ, что живописуютъ и возстановляютъ времена и нравы, о которыхъ никто изъ насъ не сохранилъ ни воспоминанія, ни любви: таковъ итогъ нашихъ работъ по отечественной исторіи. Надо сознаться, что мы нисколько не сумѣли изъ такого изученія извлечь серьезное предчувствіе ожидающихъ насъ судьбъ. Но теперь дѣло идетъ какъ разъ объ этомъ; эти именно результаты составляютъ въ наши дни весь интересъ историческаго изученія. Серьезная мысль настоящаго времени требуетъ строгаго мышленія, искренняго анализа тѣхъ моментовъ, когда жизнь народа обнаруживается съ большей или меньшей глубиной, когда общественное начало народа проявляется въ истинномъ его видѣ, потому что въ этомъ—будущее, въ этомъ—элементы его прогресса. Если такія эпохи рѣдки въ вашей исторіи, если жизнь у васъ совсѣмъ не была могущественной и глубокой, если законъ, который управляетъ вашими судьбами, далеко не лучезарное начало, выросшее при яркомъ свѣтѣ національныхъ подвиговъ, а только что-то блѣдное и тусклое, скрытое отъ солнечнаго свѣта въ подземныхъ сферахъ вашей общественной жизни, не отталкивайте правды, не воображайте, что вы жили жизнью историческихъ народовъ,—тогда какъ погребенные въ вашей огромной гробницѣ вы жили жизнью ископаемыхъ. Но если черезъ это небытіе вы случайно придете къ тому моменту,

когда народъ почувствовалъ, что онъ живетъ на самомъ дѣлѣ, когда его сердце начинаетъ биться по настоящему, если вы услышите, какъ зашумитъ и поднимется вокругъ васъ народная волна,—о! тогда остановитесь, размышляйте, изучайте... ваши труды не будутъ потеряны: вы узнаете, на что способна ваша страна въ великіе дни, на что она должна надѣяться въ будущемъ. Таковъ былъ у насъ, напимѣръ, моментъ, который закончилъ страшную драму междоусобицы, когда народъ, доведенный до крайности, стыдился самого себя, съ великой силой сталъ бить тревогу и послѣ того, какъ самопроизвольнымъ усиленіемъ всѣхъ скрытыхъ силъ своего существа сразилъ врага, возвелъ на тронъ дворянскую фамилію, которая царствуетъ надъ нами... Моментъ единственный, которому нельзя достаточно удивляться, въ особенности, если разсматривать пробѣлы предшествовавшихъ вѣковъ нашей исторіи и совершенно особое положеніе, въ которомъ находилась страна въ то памятное время. Отсюда видно, что я очень далеко отъ приписывавшейся мнѣ мысли,—не шадить нашихъ воспоминаній.

Я сказалъ только и повторяю, что пришло время бросить ясный взглядъ на наше прошлое и не для того, чтобы извлекать истлѣвшіе древніе останки, старыя мысли, которыя поглотило время, старыя антипатіи, которымъ уже давно воздалъ должное здравый смыслъ какъ нашихъ правителей, такъ и страны, но чтобы узнать, что намъ надо удержать изъ прошедшаго. Вотъ это-то я и попытался сдѣлать въ неоконченномъ мною трудѣ, вступленіемъ къ которому должна была служить статья, недавно возмущившая, такъ странно національное тщесловіе... *) Безъ сомнѣнія, въ ней была нетерпимость въ выраженіяхъ, рѣзкость мысли; но чувство, господствующее во всемъ отрывкѣ, отнюдь не враждебно къ родинѣ: это глубокое ощущеніе нашихъ слабостей, выраженное съ горестью, съ печалью,—и ничего болѣе.

Болѣе, чѣмъ каждый изъ васъ, повѣрьте, я люблю свою страну, горжусь ея славой, умѣю цѣнить высокія качества своего народа; но правда также, что патріотическое

*) Чаадаевъ говоритъ здѣсь о знаменитомъ своемъ „Философическомъ письмѣ“, помѣщенномъ въ № 15 „Телескопа“, за которое онъ былъ объявленъ сумасшедшимъ, а редакторъ журнала Надеждинъ сосланъ въ Усть-Сысольскъ. (Прим. ред. пер.)

чувство, которое меня одушевляетъ, совершенно иного рода, чѣмъ тѣхъ, чьи крики взволновали мое спокойное существованіе и снова выбросили въ океанъ людскихъ суетъ мою барку, ставшую на мель у подножія креста. Я не научился любить свою страну съ закрытыми глазами, съ покорно опущенной головой, съ безмолвными устами. Я нахожу, что можно быть полезнымъ своей странѣ лишь подъ условіемъ чуждаго предубѣжденія взгляда на нее; я думаю, что время слѣпой любви прошло, что теперь прежде всего родинѣ нужна правда. Я люблю родину, какъ Петръ Великій научилъ меня ее любить. У меня, признаюсь, совсѣмъ нѣтъ этого патріотизма ханжи, лѣниваго патріотизма, который согласенъ представлять себѣ все въ наилучшемъ свѣтѣ, который остается вѣчно при своихъ иллюзіяхъ и которымъ страдаютъ теперь, къ несчастью, многіе изъ нашихъ хорошихъ головъ. Я думаю, что мы пришли послѣ другихъ для того, чтобы дѣлать лучше ихъ, чтобы не впадать въ ихъ ошибки, въ ихъ заблужденія, въ ихъ суетвѣрія. Было бы странно, по моему мнѣнію, не признавать роли, которая намъ выпала на долю, стараться неразумно повторять всю длинную серію безумствъ, которыя совершали находившіяся въ менѣе благоприятныхъ условіяхъ народы и вновь испытывать бѣдствія, которымъ подвергались они. Я нахожу наше положеніе счастливымъ, лишь бы мы сумѣли оцѣнить его по достоинству; большое преимущество—имѣть возможность созерцать и судить міръ со всей высоты мысли, освобожденной отъ необузданныхъ страстей и жалкихъ выгодъ, которыя въ другомъ мѣстѣ волнуютъ взоръ человѣка и извращаютъ его сужденіе. Болѣе того, у меня есть внутреннее убѣжденіе, что мы призваны рѣшить большую часть проблемъ соціального порядка, довести до конца большую часть идей, возникшихъ въ старыхъ обществахъ, отвѣтить на наиболѣе важные вопросы, которые занимаютъ человѣческую родъ. Я часто говорилъ и люблю это повторять: мы, такъ сказать, назначены по самой природѣ вещей быть настоящимъ жюри, судьями многочисленныхъ процессовъ, ведущихся передъ великими трибуналами человѣческаго духа и человѣческаго общества.

Посмотрите, на самомъ дѣлѣ, что происходитъ въ странахъ, которыя я, можетъ быть, слишкомъ похвалилъ, но которыя тѣмъ не менѣе остаются наиболѣе полными образ-

цами всякой цивилизации. Тамъ приходится наблюдать слишкомъ часто слѣдующее: только что распустился новая идея, и все, что ни копошится на поверхности общества, — узкій эгоизмъ, ребяческое тщеславіе, упрямая партійность, бросаю- ся вверхъ, овладѣваютъ ею, выворачиваютъ ее наизнанку, искажаютъ ее, и мгновеніе спустя она уже измѣнена различ- ными дѣателями, унесена въ область абстракціи, гдѣ исче- заютъ всѣ обезпложенныя пылинки ея. Среди насъ нѣтъ такихъ страстныхъ интересовъ, такихъ сложившихся мнѣ- ній, заранѣе составившихся предубѣжденій; мы съ нетро- нутыми умами являемся передъ лицомъ каждой новой идеи. Въ нашихъ учрежденіяхъ, данныхъ государями по ихъ соб- ственному почину или представляющихъ собой слабыя слѣды первоначальнаго порядка вещей, воздѣланнаго ихъ самодер- жавнымъ плугомъ, въ нашихъ нравахъ — странной смѣси недовѣкаго подражанія и остатковъ давно исчерпаннаго со- ціальнаго состоянія, въ нашихъ мнѣніяхъ, которыя тщетно стараются остановиться даже по отношенію къ самымъ не- значительнымъ вещамъ, — нигдѣ ничто не противится немедлен- ному осуществленію всѣхъ благъ, которыя Провидѣніе пред- назначаетъ человечеству. Достаточно, чтобы среди насъ высказалась верховная воля, — для того, чтобы всѣ преклоня- лись, всѣ мнѣнія ступали и всѣ умы открылись передъ новой предложенной имъ мыслью. Я не знаю, можетъ быть, было бы лучше перейти черезъ всѣ испытанія, пройденныя другими христіанскими народами, черпать въ этихъ испы- таніяхъ могущество, энергію, новые методы: можетъ быть, наше уединенное положеніе предохранило бы насъ отъ бѣдствій, которыя сопровождали долгое и многотрудное воспитаніе этихъ народовъ; но, несомнѣнно, что сейчасъ дѣло идетъ не объ этомъ: отнынѣ нужно думать только о томъ, чтобы охватить дѣйствительный характеръ страны, такой, какою онъ данъ, такой, какою онъ созданъ есте- ственнымъ положеніемъ вещей, и изъ него извлечь всю возможную пользу. Исторіей, правда, мы не можемъ распо- ряжаться, но наука принадлежитъ намъ: мы не можемъ на- чать сызнова всю работу человеческого духа, но мы въ состояніи принять участіе въ его дальнѣйшихъ трудахъ: прошлое не въ нашей власти, но будущее принадлежитъ намъ. Нельзя сомнѣваться, что большая часть міра подав-

лена своими традиціями, своими воспоминаніями: не будемъ завидовать ограниченному кругу, въ которомъ она бьется; достовѣрно, что въ сердцѣ большинства народовъ есть глу- бокое ощущеніе жизни завершившейся, господствующей надъ жизнью дѣйствительной, упорное воспоминаніе о про- житомъ, которое наполняетъ настоящее. Предоставимъ же имъ бороться съ ихъ неумолимымъ прошлымъ.

Мы никогда не жили подъ фатальнымъ давленіемъ ло- гики временъ: никогда всемогущая сила не низвергала насъ въ пропасти, которыя въѣла вырыли передъ народами. Вос- пользуемся же огромнымъ преимуществомъ повиноваться лишь голосу просвѣщеннаго разума, сознательной воли. Признаемъ, что не существуетъ для насъ непреложной необходимости: что мы, благодаря Небу, не лежимъ на крутомъ склонѣ, ко- торый влечетъ столько другихъ народовъ къ ихъ неизвѣст- нымъ судьбамъ; что намъ дано мѣрить каждый шагъ, кото- рый мы дѣлаемъ, обсуждать каждую мысль, которую встрѣ- чаетъ только наше мышленіе; что намъ позволено стремиться къ благоденствію болѣе широкому, чѣмъ то, о которомъ меч- таютъ самые пламенные служители прогресса. И чтобы дости- гнуть этихъ окончательныхъ результатовъ, намъ нуженъ только властный актъ той высшей воли, которая содержитъ всѣ желанія народа, которая выражаетъ въ себѣ всѣ его стремленія, которая уже не разъ открывала ему новые пути, раздвигала предъ его глазами новые горизонты и озаряла его разумъ новымъ свѣтомъ.

Итакъ, развѣ жалкое будущее предлагаю я моей роди- нѣ? Или, можетъ быть, вы находите, что я призываю для нее безславное назначеніе? Конечно, это великое будущее осуще- ствится, эта прекрасная судьба исполнится, — не будетъ въ этомъ сомнѣваться; но это будетъ лишь результатомъ осо- бенныхъ свойствъ русскаго народа, которыя въ первый разъ были указаны въ той роковой статьѣ.

Во всякомъ случаѣ, я жду — не дожусь сказать это, и я счастливъ, что пришелъ къ тому, чтобы сдѣлать такое при- знаніе. Да, были преувеличенія въ этомъ своего рода обвини- тельномъ актѣ, брошенномъ противъ великаго народа, вся вина котораго въ конечномъ счетѣ въ томъ, что онъ удаленъ отъ всѣхъ цивилизацій міра, отъ странъ, гдѣ просвѣ- щеніе естественно должно было накопиться, отъ оча-

говъ, откуда оно сверкало въ продолженіе столькихъ вѣковъ; были преувеличенія въ непризнаніи того, что мы пришли въ міръ на почву нетронутую, неоплодотворенную предшествовавшими поколѣніями, гдѣ ничто намъ не говорило объ истекшихъ вѣкахъ, гдѣ не было ни одной черты новаго міра; были преувеличенія и въ томъ, что я не принялъ въ расчетъ значенія церкви, столь смиренной — и иногда столь героичной церкви которая одна утѣшаетъ въ пустотѣ нашихъ лѣтописей, къ которой восходитъ честь всякаго акта храбрости, каждаго благороднаго самопожертвованія нашихъ отцовъ, каждой прекрасной страницы нашей исторіи; наконецъ, можетъ быть, было преувеличеніе и въ томъ, что временами я печалился о судьбѣ націй, изъ нѣдръ которой вышла могучая натура Петра Великаго, всеобъемлющій умъ Ломоносова и обаятельный геній Пушкина.

Но и послѣ всего этого, надо сознаться, что фантазіи нашей публики удивительны.

Слѣдуетъ вспомнить, что вскорѣ послѣ злополучнаго опубликованія, о которомъ идетъ здѣсь рѣчь, на нашей сценѣ было представлено новое драматическое произведеніе^{*)}. Никогда общество не бичевало подобнымъ образомъ, никогда страну не возлечили такъ въ грязь, никогда не бросалось въ лицо публикѣ столько оскорбительнаго... И никогда не было болѣе полнаго успѣха. Если бы это былъ серьезный умъ, который сталъ бы глубоко размышлять объ исторіи, о характерѣ народа, онъ былъ бы осужденъ на молчаніе, потому что онъ не смогъ бы высказать устами скомороха патріотическое чувство, которое его угнетаетъ. Что же насъ дѣлаетъ такими снисходительными къ циническому уроку комедіи и такими грозными къ строгому слову, которое проникаетъ въ глубину вещей? Нужно прямо сказать, что мы имѣемъ пока только патріотическіе инстинкты; что мы еще очень далеки отъ мыслящаго патріотизма старыхъ націй, созрѣвшихъ для уметвенной работы, просвѣщенныхъ свѣтомъ научнаго мышленія; что мы еще любимъ нашу страну, какъ юные народы, мысль которыхъ еще мало затронута, которые еще отыскиваютъ принадлежащую имъ идею — ту роль, которую они призваны сыграть на міровой сценѣ. Наши ум-

^{*)} Здѣсь Чаадаевъ имѣетъ въ виду постановку „Ревизора“. (Прим. ред. пер.).

ственные силы мало еще упражнялись въ серьезныхъ вещахъ; однимъ словомъ, до послѣдняго времени у насъ не было почти никакой работы для ума. Мы дошли съ удивительной быстротой до нѣкоторой степени цивилизаціи, чему сиравадно удивляется Европа. Наше могущество устрашаетъ міръ, наша имперія простирается на пятую часть земного шара; но всѣмъ этимъ, надо признаться, мы обязаны только энергичной волѣ нашихъ государей, которой помогали физическія условія нашей страны.

Созданные, сформованные, обдѣланные нашими правителями и нашимъ климатомъ, только въ силу повиновенія мы сдѣлались великимъ народомъ. Прочтите отъ доски до доски наши лѣтописи, — вы тамъ найдете на каждой строкѣ глубокое дѣйствіе власти, безпрестанное вліяніе земли и почти никогда вліяніе народной воли. Какъ бы то ни было, надо сказать правду, что, слагая съ себя власть на руки своихъ господъ, уступая природѣ своей страны, русскій народъ выказалъ высокую мудрость, такъ какъ онъ призналъ такимъ образомъ высшій законъ своихъ судебъ: въ этомъ специфически особенный результатъ двухъ элементовъ различнаго порядка — результатъ, которого онъ могъ бы не признавать, только извращая свое существо, искажая самый принципъ возможнаго прогресса. Быстрый взглядъ, брошенный на нашу исторію съ точки зрѣнія, на которую мы стали, покажетъ намъ, надѣюсь, этотъ законъ во всей его очевидности.

II

Есть одинъ факторъ, который властно господствуетъ надъ всѣмъ вѣковымъ ходомъ нашей исторіи, который охватываетъ, нѣкоторымъ образомъ, всю ея философію, который проявляется во всѣ эпохи нашей общественной жизни и опредѣляетъ ихъ характеръ, который представляетъ собою въ одно и то же время и существенный элементъ нашего политическаго величія, и истинную причину нашей духовной немощи, — это факторъ географическій.

Здѣсь рукопись обрывается, и ничто не указываетъ, что она когда-либо продолжалась. И. Г. *)

^{*)} Инициалы кн. Ивана Гагарина, издателя Oeuvres de Pierre Tchadaïeff (Paris, 1862), откуда переведена „Апологія сумасшедшаго. (Прим. ред. пер.).

Письмо П. Я. Чаадаева

къ кн. П. А. Вяземскому.

Спасибо, любезный князь, за ваше милое письмо. Дѣло К. постараемся сами устроить; а васъ все-таки благодаримъ за ваше участіе. Съ вашимъ сужденіемъ о нашемъ житьѣ-бытьѣ я несовершенно согласенъ, хотя впрочемъ вы во многомъ и правы. Что мы умны, въ томъ никакого нѣтъ сомнѣнія, но чтобъ въ умѣ нашемъ вовсе не было проку, съ этимъ никакъ не могу согласиться. Не ужьто надо непременно дѣлать дѣла, чтобы дѣлать дѣло? Конечно, можно дѣлать и то и другое; но изъ этого не слѣдуетъ, чтобы мысль, и не выразившаяся еще въ жизни, не могла быть вещь очень дѣльная. Настанетъ время, она явится и тамъ. Развѣ люди живутъ въ однихъ только департаментахъ да канцеляріяхъ? Вы скажете, что мысли наши не только не проявляются въ жизни, но и не высказываются на бумагѣ. Что же дѣлать? Знать, грамотка намъ не далась. Но за то, еслибъ послушали наши толки? Нѣтъ такого современнаго или несовременнаго вопроса, котораго бы мы не рѣшили, и все это въ честь и во славу святой Руси. Повѣрьте, въ нашихъ толкахъ очень много толку. Миръ всплеснетъ руками, когда все это явится на свѣтъ дневной. Но поговоримъ лучше о дѣлѣ, и вамъ и намъ общемъ.

У васъ, слышно, радуются книгою Гоголя; а у насъ, напротивъ того, очень ею недовольны. Это, я думаю, происходитъ отъ того, что мы болѣе вашего были пристрастны къ автору. Онъ насъ немножко обманулъ, вотъ почему мы на него сердимся. Что касается до меня, то мнѣ кажется, что всего любонитѣе въ этомъ случаѣ не самъ Гоголь, а то, что его такимъ сотворило, какимъ онъ теперь предъ нами явился. Какъ вы хотите, чтобъ въ наше надменное время,

напыщенное народною спѣсью, писатель даровитый, закуренный ладаномъ съ ногъ до головы, не зазнался, чтобъ голова у него не закружилась? Это просто невозможно. Мы нынче такъ довольны всеѣмъ своимъ роднымъ, домашнимъ, такъ радуемся своимъ прошедшимъ, такъ потѣшаемся своимъ настоящимъ, такъ величаемся своимъ будущимъ, что чувство всеобщаго самодовольства невольно переносится и къ собственнымъ нашимъ лицамъ. Коли народъ русскій лучше всѣхъ народовъ въ мірѣ, то само собою разумѣется, что и каждый даровитый русскій человекъ лучше всѣхъ даровитыхъ людей прочихъ народовъ. У народовъ, у которыхъ народное чванство искони въ обычаѣ, гдѣ оно, такъ сказать, по неволѣ вышло изъ событий историческихъ, гдѣ оно въ крови, гдѣ оно вещь пошлая, тамъ оно, по этому самому, принадлежитъ толпѣ и на умъ высокій никакого дѣйствія имѣть уже не можетъ; у насъ же слабость эта вдругъ развернулась, на перекоръ всей нашей жизни, всѣхъ нашихъ вѣковыхъ понятій и привычекъ, такъ что всѣхъ застала въ распλοхъ, и умныхъ и глупыхъ: мудрено ли, что и люди, одаренные дарами необыкновенными, отъ нея дурѣютъ! Стоить только посмотреть около себя, сейчасъ увидишь, какъ это народное чванство, намъ доселѣ чуждое, вдругъ изуродовало всѣ лучшіе умы наши, въ какомъ самодовольномъ уношеніи они утопаютъ съ тѣхъ поръ, какъ совершили свой мнимый подвигъ, какъ открыли свой новый міръ ума и духа! Видно, не глубоко врѣзаны въ душахъ нашихъ завѣты старины разумной; давно-ли, повинуваясь своенравной волѣ великаго человека, нарушили мы ихъ предъ лицомъ всего міра, и вотъ вновь нарушаемъ, повинуваясь какому-то народному чувству, Богъ вѣсть откуда къ намъ занесенному!

Недостатки книги Гоголя принадлежать не ему, а тѣмъ, которые превозносятъ его до безумія, которые преклоняются предъ нимъ, какъ предъ высшимъ проявленіемъ самобытнаго русскаго ума, которые ожидаютъ отъ него какого-то преображенія русскаго слова, которые налагаютъ на него чуть не всемірное значеніе, которые, наконецъ, навязали на него тотъ гордый, несродный ему патріотизмъ, которымъ сами заражены, и такимъ образомъ задали ему задачу неразрѣшимую, задачу невозможнаго примиренія добра со зломъ: достоинства же ея принадлежать ему самому. Смирненіе, на

сколько его есть въ его книгѣ, плодъ новаго направленія автора; гордость, въ ней проявившаяся, привита ему его друзьями. Это онъ самъ говоритъ въ письмѣ своемъ къ кн. Львову *), написанномъ по случаю этой книги.

Разумѣется, онъ родился не вовсе безъ гордости, но все-таки главная бѣда произошла отъ его поклонниковъ. Я говорю въ особенности о его московскихъ поклонникахъ. Но знаете ли, откуда взялось у насъ на Москвѣ это безусловное поклоненіе даровитому писателю? Оно произошло оттого, что намъ понадобился писатель, котораго бы мы могли поставить наряду со всѣми великанами духа человѣческаго, съ Гомеромъ, Дантомъ, Шекспиромъ, и выше всѣхъ иныхъ писателей настоящаго времени и прошлаго. Это странно, но это сущая правда. Этихъ поклонниковъ я знаю коротко, я ихъ люблю и уважаю, они люди умные, хорошіе; но имъ надо, во что бы то ни стало, возвысить нашу скромную, богомольную Русь надъ всѣми народами въ мірѣ, имъ непременно захотѣлось себя и всѣхъ другихъ увѣрить, что мы призваны быть какими-то наставниками народовъ. Вотъ и нашлся, на первый случай, такой крошечный наставникъ, вотъ они и стали ему про это твердить на разные голоса, и вслухъ и на ухо; а онъ, какъ простодушный, довѣрчивый поэтъ, имъ и повѣрилъ. Къ счастью его и къ счастью русскаго слова, въ немъ таился, какъ я выше сказалъ, зародышъ той самой гордости, которую въ немъ силится развить ихъ хваленія. Хваленіями ихъ онъ пресыщался; но къ самимъ этимъ людямъ онъ не питалъ ни малѣйшаго уваженія. Это можете видѣть изъ самой его книги и выражается въ его разговорѣ на каждомъ словѣ. Отъ этого родилось въ немъ какое-то тревожное чувство къ самому себѣ, усиленное сначала болѣзненнымъ его состояніемъ, а потомъ новымъ направленіемъ, имъ принятымъ, быть можетъ, какъ убѣжищемъ отъ преслѣдующей его грусти, отъ тяжкаго, неисполнимаго урока, ему заданнаго современными причудами. Нѣтъ сомнѣнія, что еслибъ эти причуды не сбили его съ толку, еслибъ онъ продолжалъ идти своимъ путемъ, то достигъ бы чудной высоты; но теперь, Богъ знаетъ, куда заведутъ его друзья, какъ вынесетъ онъ бремя ихъ гордыхъ ожиданій, неразумныхъ внушеній и неумѣренныхъ похвалъ!

*) Примѣчаніе. Покойный кн. В. В. Львовъ. Н. С.

У насъ въ Москвѣ, между прочимъ, вообразили себѣ, что новымъ своимъ направленіемъ обязанъ онъ такъ называемому западу, странѣ, гдѣ онъ теперь пребываетъ, іезуитамъ. На этой счастливой мысли остановился нашъ замысловатый пріятель въ Московскихъ Вѣдомостяхъ, и, вѣроятно, разовѣсть ее въ слѣдующемъ письмѣ съ обычнымъ своимъ остроуміемъ. Но іезуитство, какъ его разумѣютъ эти господа, существуетъ въ сердцѣ человѣческомъ съ тѣхъ поръ, какъ существуетъ родъ человѣческій; за нимъ нечего ходить въ чужбину; его найдемъ и около себя, и даже въ тѣхъ самихъ людяхъ, которые въ немъ укоряютъ бѣднаго Гоголя. Оно состоитъ въ томъ, чтобы пользоваться всѣми возможными средствами для достиженія своей цѣли; а это видано вездѣ.—Для этого не только не нужно быть іезуитомъ, но и не надо вѣрить въ Бога; стоитъ только убѣдиться, что намъ нужно прослыть или добрымъ христіаниномъ, или честнымъ человѣкомъ, или чѣмъ нибудь въ этомъ родѣ. Въ Гоголѣ ничего нѣтъ подобнаго. Онъ слишкомъ сибиивъ, слишкомъ безкорыстенъ, слишкомъ откровененъ, откровененъ иногда даже до цинизма, однимъ словомъ, онъ слишкомъ неловокъ, чтобы быть іезуитомъ. Нѣкоторые изъ его порицателей особенно отличаются своею ловкостью, искусствомъ промышлять всѣмъ, что ни попадетъ имъ подъ руки, и въ этомъ отношеніи они совершенные іезуиты. Онъ больше ничего, какъ даровитый писатель, котораго чрезъ мѣру возвеличили, который попалъ на новый путь и не знаетъ, какъ съ нимъ сладить. Но все—таки онъ тотъ же самый человѣкъ, какимъ мы его и прежде знали, и все-таки онъ, и въ томъ болѣзненномъ состояніи души и тѣла въ которомъ находится, стократъ выше всѣхъ своихъ порицателей—и когда захочетъ, то сокрушитъ ихъ однимъ словомъ и размечетъ, какъ быліе неpotребное.

Эти строки были написаны до полученія вашей книжечки *); съ тѣхъ поръ былъ я болѣнъ и не могъ писать.

Благодарю за присылку.—Не стану переначинать письма; а скажу вамъ въ двухъ словахъ, какъ счумѣю, свое мнѣніе о вашей статьѣ. Вамъ, вѣроятно, извѣстно, что на нее здѣсь очень гнѣваются. Разумѣется, въ этомъ гнѣвѣ я

*) Примѣчаніе: Сочиненіе кн. П. А. Вяземскаго подъ заглавіемъ: „Ямковъ—Гоголь“, Н. С.

не участвую. Я увѣренъ, что если вы не выставили всѣхъ недостатковъ книги, то это потому, что вамъ до нихъ не было дѣла, что они и безъ того достаточно были высказаны другими. Вамъ, кажется, всего болѣе хотѣлось показать ея важность въ нравственномъ отношеніи и необходимость оборота, происшедшаго въ мысляхъ автора, и это, по моему мнѣнію, вы исполнили прекрасно. Что теперь ни скажутъ о вашей статьѣ, она останется въ памяти читающихъ и мыслящихъ людей, какъ самое честное слово, произнесенное объ этой книгѣ. Все, что ни было о ней сказано другими, преисполнено какою-то странною злобою противъ автора. Ему, какъ будто, не могутъ простить, что, веселивши насъ столько времени своею умною шуткою, ему разъ вздумалось поговорить съ нами не смѣясь, что съ нимъ случилось то, что ежедневно случается въ кругу обыкновенной жизни съ людьми, менѣе извѣстными, и что онъ осмѣлился намъ про это разсказать по вѣковѣчному обычаю писателей, питающихъ сознаніе своего значенія. Позабываютъ, что писатель, и писатель, столь извѣстный, не частный человѣкъ, что скрыть ему свои новыя, задушевные чувства было невозможно и недолжно; что онъ не однимъ словомъ своимъ, но и всей своей душою, принадлежитъ тому народу, которому посвятилъ даръ свыше ему данный; забываютъ, что при нѣкоторыхъ страницахъ слабыхъ, а иныхъ и даже грѣшныхъ, въ книгѣ его находятся страницы красоты изумительной, полныя правды безиредѣльной, страницы такія, что, читая ихъ, радуешься и гордишься, что говоришь на томъ языкѣ, на которомъ такія вещи говорятся. Вы одни относитесь съ любовью о книгѣ и авторѣ: спасибо вамъ! День отъ дня источникъ любви у насъ болѣе и болѣе изсякаетъ, по крайней мѣрѣ, въ мірѣ печатномъ: и такъ, спасибо вамъ еще разъ! На меня находить невыразимая грусть, когда вижу всю эту злобу, возникшую на любимаго писателя, доставившаго намъ столько слезныхъ радостей, зато только, что пересталъ насъ тѣшить и, съ чувствомъ скорби и убѣжденія, исповѣдается предъ нами и старается, по силамъ, сказать намъ доброе и поучительное слово. Все, что мнѣ бы хотѣлось сказать вамъ на этотъ счетъ, вы отчасти уже сказали сами несравненно лучше, чѣмъ бы мнѣ удалось тоже выразить, особенно на языкѣ, которымъ такъ безсильно владѣю; но одно, о чемъ намекалъ уже въ первыхъ

своихъ строкахъ, кажется, упустили изъ виду, а именно: высокомерный тонъ этихъ писемъ. Я уже сказалъ, какому вліянію его приписываю; но нельзя же, однако, и самого Гоголя въ немъ совершенно оправдать, особенно при томъ духовномъ стремленіи, которое въ книгѣ его обнаруживается. Это вещь, по моему мнѣнію, очень важная. Мы искони были люди смиренные и умы смиренные; такъ воспитала насъ церковь наша, единственная наставница наша. Горе намъ, если измѣнимъ ея мудрому ученью! Ему обязаны мы всѣми лучшими народными свойствами своими, своимъ величіемъ, всѣмъ тѣмъ, что отличаетъ насъ отъ прочихъ народовъ и творить судьбы наши. Къ сожалѣнію, новое направленіе избранийшихъ умовъ нашихъ именно къ тому клонится, и нельзя не признаться, что и нашъ милый Гоголь, тотъ самый, который такъ рѣзко намъ высказалъ нашу грѣшную сторону, этому вліянію подчинился. Пути наши не тѣ, по которымъ странствуютъ прочіе народы; въ свое время мы, конечно, достигнемъ всего благаго, изъ чего бѣдетъ родъ человѣчскій; а можетъ быть, руководимые святою вѣрою нашею, и первые узримъ цѣль, человечеству Богомъ предозначенную; но по сию пору мы еще столь мало содѣйствовали къ общему дѣлу человѣческому, смыслъ значенія нашего въ мірѣ еще такъ глубоко таится въ сокровеніяхъ Провидѣнія, что безумно бы было намъ величаться предъ старшими братьями нашими. Они не лучше насъ; но они опытиѣ насъ. Ваша дѣловая петербургская жизнь заглушаетъ васъ; вамъ не все слышно, что гласится на землѣ русской. Прислушайтесь къ глаголамъ нашимъ: они повѣдаютъ вамъ дивныя вещи. Въ первой половинѣ статьи вашей вы сказали нѣсколько умныхъ словъ о нашей новоизобрѣтенной народности: но ни слова не упомянули о томъ, какъ мы невольно стремимся къ искаженію народнаго характера нашего. Помыслите объ этомъ. Не повѣрите, до какой степени люди въ краю нашемъ измѣнились съ тѣхъ поръ, какъ облечлись этой народною гордынею, невѣдомой боголюбивымъ отцамъ нашимъ. Вотъ что меня всего болѣе поразило въ книгѣ Гоголя и чего вы, кажется, не замѣтили. Во всемъ прочемъ, съ вами за одно. Поклонитесь Тютчеву, княгинѣ сердечный мой поклонъ; сыну вашему une bonne poignée de main.

Басманная, 29 апрѣля 1847 г.